

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	7
Пролог	9
Глава первая	13
Персия	13
Грузия — оазис божьей милостью	20
Отия Чавчавадзе и потомки	40
Александр Герсеванович Чавчавадзе	43
Ясон Иванович Чавчавадзе	52
Захарий Гульбатович Чавчавадзе	57
Николай Зурабович Чавчавадзе	61
Илья Чавчавадзе	67
Глава вторая	75
Тифлис. Юго-Западный фронт	75
Война	88
Тифлис, март 1917 года	96
Корнет	127
Юго-Западный фронт	136
Глава третья	145
Грузия 1917–1921 годов	145

Константинополь!	153
Париж.....	167
Глава четвертая	189
Мирза Казем-Бек.....	189
Лев Александрович Казем-Бек.....	201
Реэмиграция.....	267
Глава пятая.....	283
Марсель 1947 год.....	283
Мырзашель.....	285
Враг народа.....	299
Инта.....	318
Глава шестая	339
Ольга — монахиня Магдалина.....	339
Реэмигрант	352
Вологда	355
Старые стены.....	367
Тбилиси	373
Зураб Михайлович Чавчавадзе	382
Заключение.....	389
Литература.....	393
Иллюстрации.....	399

*Помните свой род, своих предков
и будьте достойны их!*

ОТ АВТОРА

Возрождение памяти о нашем славном прошлом, как семейном, так и государственном, должно стать самым убедительным ответом на все попытки заставить забыть, что Россия — это великая тысячелетняя держава, построенная верой, умом и силой миллионов предшествующих поколений.

Традиционно все мужчины, носившие фамилию Чавчавадзе, получали военное образование, и военное дело было для них всегда первым и главным — многие становились известными военачальниками и знаменитыми генералами. Но это не мешало им проявлять себя и на других поприщах. Среди них известны и дипломаты, и поэты, и писатели, и общественные деятели. Но все они изначально были все-таки людьми ратными, как и герои данного повествования. Их служба проходила в заключительный период истории императорской армии и совпала с эпохой великих перемен. Кульминацией их офицерской судьбы стала Первая мировая война.

Восстановление памяти о героях земли русской является необходимым и насущнейшим делом после того, как всякая память о них, об их подвигах, об их служении Богу, Царю и Отечеству оказалась стёрта вместе с самим именем России. Это особенно важно, когда Россия снова оказалась на распутье, не зная, куда направить свой исторический путь. Сметённые революцией и оказавшиеся волею судьбы в Париже, они, в отличие от огромного числа русских, не остались там, а вернулись в Россию, которая только что пережила трагедию Великой Отечественной войны. В Россию, с которой их почти ничего уже не связывало, кроме предков. Почему же они вернулись? Это можно объяснить только одним — любовью к Родине. Они не

могли и не хотели жить вне своей страны. Из любви, из побуждения разделить все трудности, переживаемые Родиной, из желания послужить ей всем своим опытом и знаниями они вернулись и обрекли этим на страдания и гибель себя и свои семьи. Их судьба является отражением пережитой страной катастрофы. Представители разных сословий: крестьяне, интеллигенция, офицеры, дворяне и духовенство — проходят через все крути ада: Первую мировую, Гражданскую и Великую Отечественную войны, разруху и голод, репрессии, ссылки и лагеря. И в этих нечеловеческих условиях они остаются людьми, способными на сострадание, сохранившими в душе Бога.

Они сделали главное — явили для всех своих потомков, для всех своих соотечественников образец жертвенной любви к Отчизне, показали, что Родина остаётся Родиной даже тогда, когда она покорена врагом внутренним, даже когда впереди ждут только голод, нищета. В этом уникальность биографий наших героев. Тем ценнее рассказ о жизненном и духовном пути этих людей.

Автор не ставил перед собой задачу собрать все материалы, имеющиеся по тому или иному представителю рода, а стремился дать общее представление о той или иной исторической персоне, её вкладе в государственную деятельность, политику, культуру, науку, искусство. Это касается и тех, кого можно назвать поистине историческими личностями, и тех, чей след оставлен в истории несколькими эпизодами.

Вымысла в этой книге практически нет, за исключением строк, связующих воедино людей и события.

Автор благодарит за помощь в работе Станислава Владимировича Думина — историка-генеалога и общественного деятеля, члена Геральдического совета при Президенте Российской Федерации, писателя и поэта; друзей — Зураба Михайловича Чавчавадзе, Наталью Ивановну Чалых и Валерию Петровну Никишаеву — доктора философских наук, профессора, члена-корреспондента Международной академии наук педагогического образования.

ПРОЛОГ

На момент похода Александра Македонского (330 год до н. э.) как минимум три из нынешних независимых среднеазиатских республик — Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан — входили полностью или частично в Ахеменидскую империю. Границы последних лишь отчасти совпадают с нынешними границами современных государств. Унылый простор открылся Александру Великому, когда он перевалил через горы, повернул и ушёл в Индию.

В 1716 году Пётр I отправил к берегам Каспия экспедицию Бековича-Черкасского. Через шесть месяцев Бекович вернулся, потеряв половину людей. На следующий год вышла вторая экспедиция Бековича, состоявшая из семи тысяч регулярного войска, яицких и гребенских казаков и ста человек драгун «с добрым командиром». Почти все они погибли в каракумских песках от болезней и жажды или же были перебиты хивинцами. Погиб, обманутый ханом, и сам несчастный Бекович, бывший кабардинский бек Девлет-Кизден-Мурза, перешедший на службу к царю и ставший русским князем, капитаном гвардии Преображенского полка. Говорят, его кожи хватило на один небольшой барабан... Унылый жаркий простор, белёсый от соли, с белёсым небом без единого облачка видели, умирая, бородачи Бековича.

Семенов-Тянь-Шанский в своей книге «Туркестанский край» писал: «В летнее время Голодная степь представляет сожжённую солнцем жёлто-серую равнину, которая при палящем зное и полном отсутствии жизни вполне оправдывает своё название... Здесь и там разбросанные кости верблюдов и размётанные ветром куски стеблей зонтичных, похожие на

кости, ещё больше усиливают гнетущее впечатление, производимое в это время Голодной степью».

1951 год. К полудню барханы под нещадно палящим «белым солнцем» пустыни казались бледно-жёлтыми. Мырзашель (Голодная степь) дышала жаром, как утроба печи. Перед глазами плыли красные круги. Зурабу показалось, что саксаул на бархане, словно скелет, поднял к небу костлявые руки и плывёт в потоках раскалённого воздуха.

Багара! ...Когда-то, уже на исходе XVIII века, здесь поставил свою юрту пастух по имени Багар, позже рядом свои юрты поставили сыновья, а три юрты по канонам кочевников это уже аул.

Почти полтора века спустя, здесь на орошаемых землях Голодной степи было организовано хлопководческое хозяйство. Десять дней тому назад, где-то в верховьях Сырдарьи, дехкане перекрыли воду. Пара выючных верблюдов, привлечённых запахом испаряющейся влаги, осторожно спустились в русло канала, в котором верхний слой ила потрескался, превратившись в унылое мозаичное панно с рваными, побелевшими от выступившей соли краями. Опустив низко головы и глубоко проваливаясь в ил, животные, по только понятной им траектории, перешли канал и, тяжело выбравшись на противоположный берег, потянулись к кустам полыни. А оставленные ими следы стали медленно заполняться солёной, пахнущей тиной водой. По её поверхности плавали какие-то головастики, но это была вода! Зураб припал к одной из образовавшихся лужиц и стал пить, к другой припал его друг Костя Петриди.

* * *

В 2018 году нашему знакомству с Зурабом Михайловичем Чавчавадзе исполнилось двадцать пять лет. Трудно сказать, что нас объединяло все эти годы. Едва ли набралось бы месяц-полтора, когда мы могли чувствовать плечо друг друга. Несмотря на разделяющие нас расстояния в тысячи и тысячи километров, меня всегда безотчётно тянуло к нему. С начала

90-х до середины второго десятилетия нового века мы в основном общались по телефону. Затем по-стариковски, не спеша, освоили интернет и стали чаще переписываться, но, к сожалению, реже разговаривать. Мы использовали любую возможность для встречи! С годами их стало меньше, хотя расстояние между нами сократилось вдвое. По прилёту в столицу я позвонил ему, и мы договорились пообщаться, а заодно и поужинать в одном из ресторанов на Ленинградском проспекте. Незадолго до назначенного времени Зураб мне перезвонил, чтобы спросить о том, не буду ли я против того, что он приглашает ещё одного своего давнего товарища. Какие у меня могли быть возражения!

Ресторан был из новых, но уже успел завоевать уважение адептов грузинской кухни, благодаря качеству продуктов и кропотливой работе над рецептами. Место особенно славилось своим хачапури с сыром собственного изготовления. Недёшево, но солидно. Тут можно было встретить федеральных чиновников, звёзд отечественной эстрады и персонажей светской хроники. Я только успел сесть за предложенный официантом столик, как пришли старые друзья. Зураб представил нас друг другу. Новым знакомым оказался Александр Владимирович Богатырев — режиссёр-документалист, сценарист, кинокритик, писатель, публицист и очень интересный собеседник. По его сценариям было снято около 30 фильмов. Кроме того, он писал статьи на общественно-политические и исторические темы. Особое внимание уделял церковной тематике.

Шёл уже далеко не первый час нашей дружеской встречи, когда Зураб спросил: «Знаешь, как мы познакомились с Сашей?» И, предвидя мой, безусловно, отрицательный ответ, начал свой рассказ:

«Как-то в начале 80-х мне позвонила матушка Евангелия (Лагопулу), с четырёх лет насельница¹ Горнего иерусалимского

¹ В церковной традиции насельник/насельница — это монах/монахиня и/или послушник (шире — любой житель), постоянно живущий или числящийся как проживающий при монастыре/ските и подчиняющийся его уставу.

монастыря, долгое время служившая в Отделе внешних сношений Московской Патриархии, с которой мы незадолго до этого звонка договорились о встрече у меня на квартире, и предупредила о том, что будет не одна, а с интересным молодым человеком. Так мы и познакомились. Увлечённые беседой, мы с ней не обращали внимания на Александра, который в это время внимательно рассматривал висящие на стене залы фотографии. Особенно долго он рассматривал фото моего отца и вдруг воскликнул:

— Я его знаю!

Нашему с матушкой удивлению не было предела! Отец ушёл из жизни в 1965 году, когда Александру не было и семнадцати. Откуда он мог его знать?»

Последующий обоюдный рассказ давних друзей глубоко затронул меня и стал поводом для написания этой книги.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Нет, жизнь тебя не победила,
И ты в отчаянной борьбе
Ни разу, друг, не изменила
Ни правде сердца, ни себе.

Ф. И. Тютчев

Кто связан и счастьем с тобой и бедой
Тому и во тьме
Ты сияешь звездой,
О, Родина...

Расул Гамзатов

Персия

К осени 1916 года ситуация в Персии на Хамаданском и Давлетабадском направлениях линии фронта отдельных отрядов русского экспедиционного корпуса генерала Баратова¹ стабилизировалась, широкие встречные операции прекратились сами собой. Наступательный пыл турецких войск окончательно иссяк, да и войска корпуса были измотаны боями, «обессилены эпидемиями». Санитарные потери порой лишали на какое-то время боеспособности целые полки. В ноябре 1916 года корпус предотвратил попытку государственного переворота в Тегеране. Через месяц русские войска перешли в наступление, постепенно возвращая себе города, отданные туркам во время перехода к Ханекину.

¹ Баратов Николай Николаевич (Бараташвили; 1865–1932) — русский генерал от кавалерии.

Декабрьский день 1916 года заканчивался. Солнце, хотя и яркое, прошло по краю неба и теперь уже зашло за одну из вершин Загросского хребта. Только видны его лучи! Точно протянутые красные нити. Темнело очень быстро. Князь Николай Михайлович Чавчавадзе не знал, сколько времени длилось его полусознательное состояние. Ему показалось странным, что вдруг всё исчезло, смолкли крики и выстрелы. Он не слышал ничего, а видел только что-то синее, должно быть, это было небо. Потом и оно исчезло. В глубокой воронке рядом с ним лежал на спине с распростёртыми руками убитый драгун. Лицо его было бледно, а из головы сочилась кровь. Вблизи лежала его окровавленная папаха.

Вдруг (не обман ли это расстроенного воображения?) он услышал конский топот и чей-то неразборчивый говор. Томимый безотчётным ужасом, он сделал рывок — и вдруг ощутил морозный воздух, ворвавшийся ему в лёгкие, холод снега на щеке и острую боль уже не во всем теле, а в пояснице и ноге. «Жив!», — мелькнуло в его сознании. Он сделал движение, чтобы подняться, и услышал возле себя хрустящий скрип наста под чьими-то ногами и хрипловатое дыхание. «Турки!», — он попытался вскочить, но от резкой боли едва не закричал, и, как ему показалось позже, надолго потерял сознание.

Очнувшись, князь почувствовал, как к его пересохшим и потрескавшимся губам поднесли фляжку, влили в рот воду, водку и ещё что-то. Потом всё опять исчезло.

Мерно качаясь, двигаются носилки. Это мерное движение убаюкивает его. Наскоро перевязанные раны не болят, какое-то невыразимо отрадное чувство разлито во всём теле...

— Сто-о-ой! Опуска-а-й! Санитары, четвёртая смена, марш! За носилки! Берись, подыма-а-ай!

Спустя более полугода, при встрече в госпитале он рассказывал сыну: «Пришёл в себя уже только на питательно-перевязочном пункте. Рядом с носилками стоит командир полка полковник А. П. Коцебу, врач, сестры...

Сначала понять не мог, в чем дело, почему я лежу, а командир передо мной стоит и говорит:

— Ну, что, Николай Михайлович, как себя чувствуете?.. Вы герой, князь! Благодаря вам мы взяли турецкие окопы и батарею, которая нам не давала жить! Я вас представляю к награде. Вот только доктор говорит, что необходимо серьёзно полечиться в госпитале. У вас несколько шрапнельных¹ ран, две из них проникающие, задета тазобедренная кость!

— На все Божья воля! Я рад, что хоть чем-нибудь мог послужить России!»

На самом деле он чудом выжил, после шрапнельного ранения на нём не было живого места.

Эвакуация раненых с боевых участков осуществлялась вручную, на волокушах, на ишаках и мулах, которые использовались для перевозки вьючных носилок при всякой к тому возможности и являлись наиболее подходящими вьючными животными. Спокойный, ровный шаг мула и его выносливость очень выгодно отличали его от лошади. Скорость движения носилок в зависимости от условий пути колебалась от 0,5 до 3 км в час. Здание перевязочного пункта низкое, длинное, с маленькими оконцами. Над дверями на шесте висел белый флаг с красным крестом. К зданию постоянно подносили и подвозили раненых, которые могли — шли сами. За сутки через пункт проходило больше 400 раненых, много тяжёлых. Пока были бои, им оказывали первую врачебную помощь: останавливали кровотечения, выводили из шокового состояния, накладывали шины. Санитары же эвакуационно-транспортного отряда выносили уже перевязанных тяжело раненных и укладывали их в санитарные двуколки с большими красными крестами на тентах. Легко раненные шли сами и садились на указанные места. Когда транспорт был

¹ В журнале заседания Главного управления Российского Общества Красного Креста от 14 сентября 1914 года отмечалось: «После удачного шрапнельного залпа из 250 человек остаётся не получившими ранения всего 7 человек».

готов, тронулись в путь до головного эвакуационного пункта в Хамадане, где временно размещали раненых и больных, доставляемых из корпусных районов, до их отправки на тыловой эвакуационный пункт. Была уже полная ночь. Из двуколок слышались стоны и плач...

— В чём дело? Что случилось? — спрашивали санитары, останавливаясь там, откуда слышны были стоны и плач.

— Совсем замерзаем... — говорили раненые.

— Совсем — ноги обморозили!.. Дайте одеяла, — кричали со всех двуколок...

— Просят одеяла... А где их взять?! — возмущался врач.

— Соберите все попоны и накройте раненых, — командует старший врач транспорта Агафонов.

— Да лошади накрыты попонами! Они тоже мёрзнут, — отвечает конюх.

— Лошади согреются! Нужно гнать! Иначе мы привезём в Хамадан одни трупы...

Ночь тёмная, несмотря на снег, в двух шагах ничего не видно. А мороз такой, что дух захватывает. У князя по спине бегали мурашки. Ресницы слипались, пальцы на ногах болели.

— Ты что стоишь, дорогу загораживаешь, съезжай в сторону, видишь, нельзя проехать? — кричит санитар с двуколки.

— Савченко, сверни, дай им проехать.

— Слышите, как кричат раненые?! — говорит Савченко. — Замерзают, бедняги. Да в такой мороз ни одни раненые помёрзнуть могут! Теперь и в окопах замёрзнет немало народу! Вишь, какой мороз! Дух захватывает!

«Судно, санитар, судно сюда дайте!»! — несётся из двуколки.

— Да какое в такой мороз судно! Обморозишь только об него!.. — говорит санитар, подавая судно внутрь двуколки.

Этот мороз парализует не только руки и ноги, но и мозг! Сопровождающим не хочется ни думать, ни делать ничего.

— Прямо ужасно! Все раненые перемерзнут! И попоны не спасут... — сказал Агафонов. Он в двуколке впереди

транспорта. Савченко мрачный, беспокоится за своих лошадей. Князь, то проваливаясь в небытие, то приходя в сознание, порой слышал, как на вынужденных остановках возницы переругивались между собой, а санитары пытались оказать сильную помощь раненым.

— Стой! Стой, Савченко. Что это там? — спрашивает Агафонов, показывая вытянутой рукой в сторону от дороги.

— Да, похоже, курдская сакля. Она пустая.

— А ну-ка, крикни ВиленТЬева.

— Подпрапорщик ВиленТЬев! К старшему врачу, кричит Савченко.

Спустя время санитары всех тяжёлых и обмороженных вносят в саклю, в центре которой в круглой яме пылает костёр, распространяя жар. Сакля длинная, как сарай, с низким потолком, без окон, только отверстие в потолке для выхода дыма. На глиняном полу лежала солома, на неё и клали раненых.

От костра и множества людей в сакле стало жарко, хотя дверь не была закрыта.

— ВиленТЬев, вы останетесь с тяжело ранеными здесь, с вами останется фельдшер. А я возьму офицера, легко раненных и поеду в Хамадан. Непременно выставьте часовых, а то курды вернутся и всех вас перережут. Топлива хватит на ночь? Завтра как потеплеет, так и выезжайте.

— Выходите все! — командует Агафонов — и занимайте места в двуколках: останутся только слабые да обмороженные.

Рассадили легко раненных, и транспорт тронулся и двигался без остановок до самого Хамадана¹.

Лазарет Красного Креста в Хамадане занимал несколько домов. Один двухэтажный для больных и раненых был переполнен больными казаками и солдатами, другой — цейхгауз для аптеки и медикаментов, третий — канцелярия, в которой постоянно работали несколько писарей; четвёртый — для столовой и кухни. В нем же жили врачи, сестры.

¹ Хамадан от окружного госпиталя в Тбилиси отделяло 1095 вёрст.

Но это был не просто перевалочный пункт, здесь всех раненых и больных заносили в чистые и тёплые палаты, осматривали и решали, что с ними делать. По прибытии раненым сразу давали крепкий горячий чай и поесть, чтобы вывести из стрессового состояния, мыли, обрабатывали раны. Подготовкой пациентов к операции занимались цирюльники. перевязочных материалов не хватало. Бинты, с которыми поступали раненые, были грязные, засохшие. Прежде чем осматривать рану, их надо было снять. Разрезать бинты было бы намного быстрее, но делать это запрещалось. Бинты разматывали и бросали в таз с дезинфицирующим раствором. Потом это все стиралось, гладились и отправлялось в автоклав на стерилизацию. Раненых перевязывали, кормили и отправляли дальше в Джульфу.

В руки хирурга князь попал только к исходу вторых суток после ранения. С началом Первой мировой войны полевые госпитали и медсанчасти русской армии остались без германских наркосодержащих препаратов, применяемых для местной анестезии. Своей же фармакологической промышленности в России на тот момент не было, хотя российское лекарственное сырьё на фабрики Германии поставлялось исправно. Хирургам в полевых условиях зачастую приходилось резать по живому. Страдания несчастным немного облегчали 100 граммов спиртного, однако это мало спасало от невыносимой боли при ампутации рук или ног. Конечно, в госпиталях медики использовали и общий наркоз, к примеру, хлороформ, однако он подходил не для всех операций, обладал рядом побочных действий, но главное, не годился как обезболивающее в послеоперационный период.

Время операции он помнил плохо, поскольку в основном был без сознания. Доктор освободил его от шести осколков, но два, из-за отсутствия рентгена, оставались по-прежнему в его израненном теле. Далее путь лежал в Джульфу. Где сутки ждали железнодорожный состав, половина которого состояла из санитарных вагонов с красным крестом. Другая половина

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru